

оригинальная статья
УДК 159.9

Идентичность как предиктор субъективной оценки качества жизни студентов: кросскультурный аспект

Татьяна Геннадьевна Бохан
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0002-9628-1470>

Марина Владимировна Шабаловская
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
Сибирский государственный медицинский университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0003-2622-3491>

Ольга Владимировна Терехина
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>

Анна Леонидовна Ульянич
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
FiALe@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>

Юлия Витальевна Бородич
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0002-4256-7641>

Урсула Владимировна Танабасова
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск
<https://orcid.org/0000-0001-8556-9631>

Поступила в редакцию 05.03.2021. Принята к печати 25.03.2021.

Аннотация: Обсуждается проблема предикторов субъективного качества жизни студенческой молодежи в условиях международной образовательной миграции. Приводятся результаты эмпирического исследования социальной идентичности, представленной идеологическим и этническим компонентами, как значимого предиктора субъективного качества жизни студентов различных культуральных групп. Субъективное качество жизни изучалось с учетом мотивационного, эмоционального и когнитивного компонентов. В качестве респондентов в исследовании принимали участие студенты вузов г. Томск (представители стран Африки, Европы, Китая, Индии, России). Структура социальной идентичности студентов изучалась с помощью психодиагностических опросников «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова и С. В. Рыжова) и «Шкала идеологической эго-идентичности» (Дж. Р. Адамс); компоненты субъективного качества жизни у студентов определялись с помощью опросников «Шкала позитивного и негативного аффекта» (Д. Уотсон и др.), «Шкала удовлетворенности жизнью» (Е. Динер и др.), «Ценности счастья» (В. Ford и др.). В результате определена факторная структура социальной идентичности, имеющая как специфичные для каждой культуральной группы студентов, так и общие особенности. Во всех культуральных группах студентов выявлены определенные факторы социальной идентичности, которые могут выступать в качестве значимых предикторов представлений о счастье, эмоционального (доминирующий аффект) и когнитивного (оценка удовлетворенности жизнью) компонентов субъективного качества жизни. Выявленные особенности структуры социальной идентичности и ее вклада в субъективное качество жизни студентов свидетельствуют о культуральных различиях, указывают на мишени и задачи психолого-образовательного сопровождения процессов образования и самореализации студентов в поликультурном образовательном пространстве университета.

Ключевые слова: образовательная миграция, поликультурная образовательная среда, студенты культуральных групп, субъективное качество жизни, социальная идентичность, этническая идентичность, идеологическая идентичность, предикторы, психолого-образовательное сопровождение

Цитирование: Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л., Бородич Ю. В., Танабасова У. В. Идентичность как предиктор субъективной оценки качества жизни студентов: кросскультурный аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155>

Введение

Субъективное качество жизни студенческой молодежи рассматривается как наличный трудовой потенциал нашего общества, как индикатор безопасности их жизнедеятельности [1]. Субъективное качество жизни можно определить как «интегративную характеристику, проявляющуюся

в восприятии и отношении личности к изменениям жизни, определяющую душевное и моральное удовлетворение собственной жизнью, даже в том случае, когда объективные характеристики говорят об обратном» [2, с. 511]. Особенно актуальной становится проблематика субъективного

качества жизни студенческой молодежи в условиях международной образовательной миграции [3; 4], когда интернационализация образования становится критерием международного признания российского образования.

Исследовательский интерес определяется наряду с задачей повышения престижности образования в России важностью изучения и учета культурального фактора в организации условий поликультурной образовательной среды. Показано, что в поликультурной среде этнические признаки, культура консервируются и тем самым оказываются более устойчивыми и влиятельными [4]. В то же время отмечается, что «в условиях смешения культур, все более сильной автономизации личности происходит значительный уход от традиционных (этнических и даже национальных) ценностей и культурных феноменов, и обращение к универсальным, надэтническим и наднациональным. Такое рассогласование этнических традиционных ценностей с реализуемым поведением в широком спектре его проявлений приводит к дезадаптации личности и различным дисгармониям» [5, с. 157].

Объективируется проблема этнокультурных детерминант субъективного благополучия личности [6; 7], к которым относят традиционные ценностные предпочтения этнических групп, качество идентификации, религиозность (не только сама по себе, но и традиционная конфессиональная принадлежность), этническую компетентность (владение культурой) и ряд других. В научной литературе показано, что сильная идентичность оказывает благоприятное воздействие на социально-культурную адаптацию и межэтническую коммуникацию для обеих сторон, как принимающей, так и мигрирующей [8]. Некоторые исследования указывают на то, что уровень сформированности этнической и расовой идентичности является ключевым фактором, способствующим позитивному психосоциальному функционированию молодежи и их субъективному благополучию [9–12]. Самоидентичность и социальная идентичность, по мнению некоторых исследователей, являются ключевыми элементами в понимании стремления человека к здоровью и благополучию [13].

Учитывая, что на сегодняшний день в российских вузах получают образование представители многих стран всех континентов, проблема изучения субъективного качества жизни студентов и определяющих его факторов является социально значимой задачей. Например, в томских вузах учится около 59 тыс. студентов из 70 регионов России и 58 иностранных государств. Граждане иностранных государств составляют 21,1 % среди студентов очной формы обучения всех образовательных организаций высшего образования, включая филиалы иногородних вузов¹. В то же время разработанность данной проблемы в научной психологической литературе пока ограничена отдельными немногочисленными работами [3–6; 14; 15].

В данном исследовании мы предположили, что такой культуральный фактор, как социальная идентичность, представленная идеологическим и этническим компонентами, может выступать в качестве предиктора субъективного качества жизни, имея свои специфические особенности в культуральных группах студентов. Цель – в рамках кросс-культурного исследования выявить связь социальной идентичности как интегративного феномена, представленного этническим и идеологическим компонентами, с субъективной оценкой качества жизни у студенческой молодежи.

Методы и материалы

Структура социальной идентичности студентов изучалась с помощью опросников «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой [16] и «Шкала идеологической эго-идентичности» (OMEIS-R, Дж. Р. Адамс, адаптированный Т. А. Гавриловой и Е. В. Глушак) [17]. Опросник «Типы этнической идентичности» позволяет диагностировать этническое самосознание, определить его трансформации в условиях поликультурной среды и доминирующую склонность к одному из шести типов этнической идентичности (этнонигилизм, этническая индифферентность, норма, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм). Согласно методике, выраженность любого из шести типов этнической идентичности может варьироваться от 0 до 20 баллов. Респондент в анкете самостоятельно выбирает числовой показатель: чем выше балл, тем большее значение в сознании опрошенного имеет данный тип. Линейка оценок условно разделена на степени выраженности: 0 – тенденция отсутствует; 1–4 балла – низкая интенсивность; 5–8 баллов – пониженная степень интенсивности; 9–12 баллов – средняя степень; 13–16 баллов – повышенная степень интенсивности; 17–20 баллов – высокая степень значимости типа этнической идентичности.

«Шкала идеологической эго-идентичности» позволяет определить структуру идеологической эго-идентичности. Модель структурного строения представлена следующими статусами: диффузная идентичность, принятая идентичность, мораторий идентичности, достигнутая идентичность. Согласно методике, выраженность любого из шести статусов эго-идентичности может варьироваться от 0 до 48 баллов. Респондент в анкете самостоятельно выбирает числовой показатель: чем выше балл, тем большее значение в сознании опрошенного имеет данный статус. Линейка оценок условно разделена на степени выраженности: 0–11 баллов – степень выраженности очень низкая; 12–23 балла – низкая выраженность; 24–35 баллов – средняя степень выраженности; 36–48 баллов – высокая степень выраженности статуса.

Субъективная оценка качества жизни у студентов определялась с помощью опросников «Шкала позитивного и негативного аффекта» (PANAS) (Д. Уотсон, Л. Кларк,

¹ Томская область. Официальный интернет-портал Администрации Томской области. Режим доступа: <https://tomsk.gov.ru/Nauchno-obrazovatelyniy-kompleks> (дата обращения: 01.02.2021).

А. Телледежен; адаптация Е. Н. Осина) [18], «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWL) (Е. Динер, Р. Эммонс, Р. Ларсен, С. Гриффин; адаптация и валидизация Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева) [19], «Ценности счастья» (В. Ford, Ю. О. Дмитриева и др.) [20]. «Шкала позитивного и негативного аффекта» определяет широкий спектр позитивных и негативных эмоциональных состояний. Испытуемым предлагалось оценить представленные позитивные и негативные эмоции по 5-балльной шкале выраженности их в жизни. При обработке учитывался балл по каждой отдельной эмоции и сравнивался средний балл, набранный по всей совокупности позитивных и негативных эмоций.

Для выявления когнитивного компонента субъективного качества жизни применялась «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWL), которая измеряет эмоциональное переживание индивидом собственной жизни как целого, отражающее общий уровень психологического благополучия. Опросник включает 5 утверждений (1. Жизнь близка к идеалу, 2. Условия жизни замечательные, 3. Я доволен своей жизнью, 4. Получил от жизни все, чего хочу и считаю важным, 5. Если можно прожить жизнь заново, не изменил бы в ней ничего), каждое оценивалось по 7-балльной шкале, сумма баллов определяла общий уровень удовлетворенности жизнью.

Мотивационный компонент субъективного качества жизни изучался с помощью опросника «Ценности счастья», который определяет направленность ценностей, достижение которых приносит испытуемым ощущение счастья. Опросник состоит из 80 утверждений, объединенных по направленности ценностей: эгоцентрированные – ценности самоутверждения и саморазвития, собственного физического, психического и материального благополучия; группоцентрированные – ценности близких и эмоционально теплых социальных связей и социальных отношений (собственно группоцентрические), ценности помощи другим, обществу (просоциальные); религиозные – ценности близкой связи с Богом и религиозных убеждений.

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 24. Для определения структуры идентичности в каждой группе студентов использовался факторный анализ (метод главных компонент, Варимакс вращение). Для определения вклада идентичности в субъективную оценку качества жизни студентов использовался регрессионный анализ.

В исследовании приняли участие 289 человек в возрасте от 19 до 28 лет, студенты вузов г. Томск. Выборка разделена на 5 групп по культурной принадлежности: 53 человека – представители стран Африки (средний возраст $22,7 \pm 3,68$ лет), 55 человек – представители стран Европы (средний возраст $23,8 \pm 3,22$ лет), 65 участников – представители Индии (средний возраст $20,5 \pm 1,44$ лет), 58 студентов – представители Китая (средний возраст $21,1 \pm 2,64$ лет), 58 участников – представители России (средний возраст $21,9 \pm 1,75$ лет).

Результаты

Решение задачи по выявлению особенностей вклада идентичности в субъективную оценку качества жизни у представителей студентов разных культуральных групп происходило в несколько этапов. Сначала проводился факторный анализ для определения значимых факторов структуры идентичности (метод главных компонент, Варимакс вращение), в каждой группе студентов выделились факторы, которые сохранялись как новые переменные (табл. 1). Далее они были включены в регрессионный анализ в качестве независимых переменных (зависимыми переменными выступали показатели субъективной оценки качества жизни). Таким образом в каждой группе определялись предикторы субъективной оценки качества жизни.

В группе студентов **российской выборки** выделилось четыре значимых фактора (общая дисперсия 70,5 %). Первый фактор, представленный положительными связями шкал этнической идентичности *этноэгоизм*, *этноизоляция* и *этнофанатизм*, был условно назван Этнический нарциссизм. Второй фактор наполнен значимыми положительными связями шкал *принятая идентичность*, *мораторий идентичности* и *позитивная этноидентичность (норма)*. На основании связей этих показателей данный фактор получил условное название Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам как принятая культурная ценность и возможность поиска собственных убеждений. Третий фактор представлен положительными связями шкал *диффузная идентичность*, *этноиндифферентность* и *этнонигилизм*, в связи с этим данный фактор получил название Неопределенность идеологической и этнической идентичности. Четвертый фактор, условно названный Достигнутая идентичность, представлен одноименной шкалой.

В группе студентов **европейской выборки** выделилось три значимых фактора (общая дисперсия 69 %). Первый фактор, названный условно Деструктивная этноидентичность как принятая лично не переработанная система ценностей и убеждений, объединил с положительной нагрузкой шкалы *этноэгоизм*, *этноизоляция*, *этнофанатизм*, *этнонигилизм*, *принятая идентичность* и с отрицательной нагрузкой – *позитивную этноидентичность*. Второй фактор представлен положительными связями шкал *достигнутая идентичность*, *этноиндифферентность* и отрицательной связью шкалы *диффузная идентичность*. Данный фактор получил условное название Сформированность личностной идентичности и неактуальность этноидентичности. Третий фактор представлен одной шкалой Мораторий идентичности, свидетельствующей об активном поиске личной системы ценностей и убеждений.

В группе **индийских студентов** было выделено три фактора (общая дисперсия 71,7 %). Первый фактор, названный условно Конфликтная этноидентичность, объединил шкалы *этноэгоизм*, *этноизоляция*, *этнофанатизм*, *этнонигилизм*. Второй фактор наполнен значимыми положительными связями шкал *диффузная идентичность*, *мораторий*

Табл. 1. Факторная структура показателей идентичности студентов (с факторными нагрузками и % дисперсии)
 Tab. 1. Factor structure of indicators of students' identity (with the factor loads and % of the variance)

Российские студенты (70,5 %)	Европейские студенты (69 %)	Индийские студенты (71,7 %)	Китайские студенты (70,2 %)	Африканские студенты (73,6 %)
Фактор 1				
24,019 % этноэгоизм (0,845) этноизоляция (0,823) этнофанатизм (0,744)	29,796 % этноэгоизм (0,855) этноизоляция (0,710) этнофанатизм (0,679) норма (-0,655) этнонигилизм (0,637) принятая (0,585)	39,712 % этноэгоизм (0,886) этноизоляция (0,834) этнофанатизм (0,733) этнонигилизм (0,712)	37,276 % этноизоляция (0,857) этноэгоизм (0,843) этнофанатизм (0,842) норма (-0,633) этнонигилизм (0,497)	32,450 % этнофанатизм (0,804) этноизоляция (0,779) этноэгоизм (0,745) принятая (0,644)
Фактор 2				
17,916 % принятая (0,728) мораторий (0,695) норма (0,625)	21,643 % достигнутая (0,809) этноиндифферентность (0,694) диффузная (-0,573)	18,742 % диффузная (0,824) мораторий (0,813) достигнутая (0,742) принятая (0,725)	22,333 % мораторий (0,823) принятая (0,791) диффузная (0,760) достигнутая (0,623)	16,881 % мораторий (0,926) диффузная (0,837)
Фактор 3				
16,500 % диффузная (0,846) этноиндифферентность (0,731) этнонигилизм (0,607)	17,660 % мораторий (0,926)	13,334 % норма (0,883) этноиндифферентность (0,752)	10,633 % этноиндифферентность (0,894)	13,836 % норма (0,883) этнонигилизм (-0,693)
Фактор 4				
12,085 % достигнутая (0,932)	–	–	–	10,507 % достигнутая (0,906) этноиндифферентность (-0,610)

идентичности, достигнутая идентичность, принятая идентичность и условно назван Поиск собственной идентичности. Третий фактор представлен переменными *позитивная этноидентичность (норма)* и *Этноиндифферентность* и имеет название Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам и неактуальность этнической идентичности.

В группе студентов *китайской выборки* выделилось три значимых фактора, объясняющих 70,2 % общей кумулятивной дисперсии. В первый фактор, условно названный Деструктивная этноидентичность, вошли шкалы с положительной нагрузкой *этноизоляция, этноэгоизм, этнофанатизм, этнонигилизм* и с отрицательной – *позитивная этноидентичность*. Второй фактор представлен положительными связями показателей идеологической идентичности шкал *мораторий идентичности, принятая идентичность, диффузная идентичность, достигнутая идентичность* и условно назван Поиск собственной идентичности. Третий фактор представлен одной шкалой *этническая индифферентность* и имеет название Неактуальность этнической идентичности.

В группе *африканских студентов* выделилось четыре значимых фактора (общая дисперсия 73,6 %). Первый фактор, названный условно Этнический нарциссизм как принятая система ценностей и убеждений, объединил шкалы *этнофанатизм, этноизоляция, этноэгоизм, принятая идентичность*. Второй фактор представлен положительными связями показателей идеологической идентичности по шкалам *мораторий идентичности, диффузная идентичность* и условно назван Поиск и незавершенность становления идентичности. Третий фактор наполнен значимой положительной связью *позитивной этноидентичности (норма)* и отрицательной связью *этнонигилизма* и имеет условное название Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам и значимость этнической идентичности. Четвертый фактор, условно названный Достигнутая личностная идентичность и определенность этнической принадлежности, представлен положительной связью *достигнутой идентичности* и отрицательной связью *этноиндифферентности*.

В результате регрессионного анализа (табл. 2) в каждой группе респондентов были определены факторы идентичности, которые являются значимыми предикторами представлений о счастье – ценностей, реализация которых

в понимании студентов дает им ощущение счастья, а также результирующих показателей субъективного качества жизни, представленных доминирующими эмоциями и удовлетворенностью жизнью. В группе студентов российской выборки фактор Неопределенность идеологической и этнической идентичности имеет прямую связь с ценностями благополучия, самоутверждения и саморазвития, обратную связь – с религиозными ценностями. На субъективное качество жизни оказывают влияние два фактора: Достигнутая идентичность имеет прямую связь с показателями шкал *позитивный аффект* и *общая удовлетворенность жизнью*.

В группе студентов европейской выборки фактор Сформированность личностной идентичности и неактуальность этноидентичности положительно связан с ценностями личного благополучия, самоутверждения и саморазвития, просоциальными ценностями; фактор Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная система ценностей и убеждений отрицательно связан с группоцентрическими ценностями; факторы Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная система ценностей и убеждений и Мораторий идентичности имеют отрицательную связь с просоциальными ценностями счастья. В результирующем компоненте субъективного качества жизни предикторами переживания негативного аффекта являются факторы Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная система ценностей и убеждений и Мораторий идентичности с положительными связями. Предикторами переживания позитивного аффекта оказались факторы Деструктивная этноидентичность как принятая личностно не переработанная системы ценностей

и убеждений с отрицательным знаком и Сформированность личностной идентичности и неактуальность этноидентичности – с положительным.

Для группы индийских студентов характерна отрицательная связь между фактором Конфликтная этноидентичность и просоциальными ценностями. В качестве положительных предикторов общего показателя удовлетворенности жизнью определились три фактора: Конфликтная этноидентичность, Поиск собственной идентичности, Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам и неактуальность этноидентичности.

В группе студентов китайской выборки фактор Деструктивная этноидентичность определился как значимый отрицательный предиктор для таких ценностей, как самоутверждение и саморазвитие, группоцентрические и просоциальные; фактор Неактуальность этнической идентичности положительно влияет на ценности самоутверждения и саморазвития, собственного благополучия, группоцентрические, просоциальные и религиозные ценности. Фактор Деструктивная этноидентичность оказывает отрицательное влияние на позитивный аффект и общий показатель удовлетворенности жизнью.

В группе студентов африканской выборки фактор Поиск и незавершенность становления идентичности является значимым положительным предиктором ценностей благополучия, самоутверждения и саморазвития, группоцентрических ценностей. Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам и значимость этнической идентичности является значимым отрицательным предиктором негативного аффекта (табл. 2).

Табл. 2. Результаты регрессионного анализа: независимые переменные – факторы идентичности, зависимые переменные – показатели субъективной оценки качества жизни

Tab. 2. Regression analysis: independent variables are the factors of identity; the dependent variables are the subjective assessment of the quality of life

Зависимые переменные (данные модели)	Независимые переменные (коэффициенты)
<i>Российские студенты</i>	
Позитивный аффект ($R^2=0,170, p=0,050, F=2,155$)	Фактор 4 ($\beta=0,336, p=0,021$)
Общий показатель удовлетворенности жизнью ($R^2=0,186, p=0,049, F=2,403$)	Фактор 4 ($\beta=0,332, p=0,022$)
Самоутверждение и саморазвитие ($R^2=0,182, p=0,050, F=2,339$)	Фактор 3 ($\beta=0,359, p=0,014$)
Благополучие ($R^2=0,232, p=0,023, F=3,174$)	Фактор 3 ($\beta=0,448, p=0,002$)
Религиозные ценности ($R^2=0,267, p=0,010, F=3,815$)	Фактор 3 ($\beta=-0,504, p=0,000$)
<i>Европейские студенты</i>	
Негативный аффект ($R^2=0,185, p=0,040, F=3,034$)	Фактор 1 ($\beta=0,293, p=0,047$)
	Фактор 3 ($\beta=0,301, p=0,041$)
Позитивный аффект ($R^2=0,276, p=0,004, F=5,082$)	Фактор 1 ($\beta=-0,357, p=0,011$)
	Фактор 2 ($\beta=0,362, p=0,010$)
Самоутверждение и саморазвитие ($R^2=0,238, p=0,012, F=4,157$)	Фактор 2 ($\beta=0,403, p=0,006$)
Благополучие ($R^2=0,248, p=0,009, F=4,399$)	Фактор 2 ($\beta=0,429, p=0,003$)

Зависимые переменные (данные модели)	Независимые переменные (коэффициенты)
Группоцентрические ценности ($R^2=0,187$, $p=0,039$, $F=3,058$)	Фактор 1 ($\beta=-0,290$, $p=0,049$)
Просоциальные ценности ($R^2=0,314$, $p=0,002$, $F=6,103$)	Фактор 1 ($\beta=-0,348$, $p=0,011$)
	Фактор 2 ($\beta=0,340$, $p=0,013$)
	Фактор 3 ($\beta=-0,278$, $p=0,040$)
<i>Индийские студенты</i>	
Общий показатель удовлетворенности жизнью ($R^2=0,881$, $p=0,000$, $F=123,048$)	Фактор 1 ($\beta=0,250$, $p=0,000$)
	Фактор 2 ($\beta=0,965$, $p=0,000$)
	Фактор 3 ($\beta=0,147$, $p=0,007$)
Просоциальные ценности ($R^2=0,157$, $p=0,032$, $F=3,172$)	Фактор 1 ($\beta=-0,341$, $p=0,011$)
<i>Китайские студенты</i>	
Позитивный аффект ($R^2=0,299$, $p=0,002$, $F=5,972$)	Фактор 1 ($\beta=-0,510$, $p=0,000$)
Общий показатель удовлетворенности жизнью ($R^2=0,325$, $p=0,001$, $F=6,909$)	Фактор 1 ($\beta=-0,552$, $p=0,000$)
Самоутверждение и саморазвитие ($R^2=0,311$, $p=0,001$, $F=6,462$)	Фактор 1 ($\beta=-0,307$, $p=0,020$)
	Фактор 3 ($\beta=0,458$, $p=0,001$)
Благополучие ($R^2=0,317$, $p=0,001$, $F=6,664$)	Фактор 3 ($\beta=0,529$, $p=0,000$)
Группоцентрические ценности ($R^2=0,324$, $p=0,001$, $F=6,858$)	Фактор 1 ($\beta=-0,310$, $p=0,017$)
	Фактор 3 ($\beta=0,471$, $p=0,001$)
Просоциальные ценности ($R^2=0,249$, $p=0,006$, $F=4,747$)	Фактор 1 ($\beta=-0,313$, $p=0,022$)
	Фактор 3 ($\beta=0,360$, $p=0,009$)
Религиозные ценности ($R^2=0,220$, $p=0,013$, $F=4,038$)	Фактор 3 ($\beta=0,447$, $p=0,002$)
<i>Африканские студенты</i>	
Негативный аффект ($R^2=0,412$, $p=0,001$, $F=5,778$)	Фактор 3 ($\beta=-0,555$, $p=0,000$)
Самоутверждение и саморазвитие ($R^2=0,286$, $p=0,022$, $F=3,311$)	Фактор 2 ($\beta=0,493$, $p=0,002$)
Благополучие ($R^2=0,335$, $p=0,008$, $F=4,161$)	Фактор 2 ($\beta=0,563$, $p=0,000$)
Группоцентрические ценности ($R^2=0,387$, $p=0,002$, $F=5,200$)	Фактор 2 ($\beta=0,611$, $p=0,000$)

Прим.: представлены только значимые регрессионные модели.

Рассмотрим факторную структуру социальной идентичности – общие для всех групп и специфические признаки. Самый большой процент кумулятивной дисперсии у всех групп приходится на фактор, который представлен гипер- и гипоптнотидентичностью. При этом у европейских студентов усиление деструктивных тенденций гипер- и гипоптнотидентичности в сочетании с принятой и лично не переработанной системой ценностей сопровождается снижением позитивного отношения как к собственному народу, так и к другим. Также у африканских студентов деструктивная гиперэтноидентичность как этнический нарциссизм связана с принятой и лично не переработанной системой ценностей и убеждений. Выявленные данные согласуются с результатами исследований, которые показывают, что при изменении социальной ситуации может меняться идентичность мигрантов [21]. Г. У. Солдатова и Л. А. Шайгерова отмечают [22], что этническое самосознание мигрантов может разрушаться, деформироваться или усиливаться, что проявляется в отказе от ценностей собственной этнической группы, этническом нигилизме

или этноэгоизме, национальном фанатизме. Данную тенденцию следует учитывать при определении задачи и методов психолого-педагогического сопровождения, направленного на развитие эффективной межкультурной коммуникации, возможности самореализации студентов в поликультурном образовательном пространстве университета [23].

У индийских, китайских и африканских студентов второй фактор объединяет положительными связями все статусы идеологической идентичности, что может указывать на отсутствие доминирования определенного статуса идеологической идентичности и возможность кризиса, состояния поиска собственного выбора, решения и принятия социальных обязательств, т. е. на различные этапы процесса становления личностной идентичности. В европейской группе отдельным значимым фактором оказался мораторий, который свидетельствует о состоянии кризиса идентичности, активных попытках его разрешения – поиска информации, способствующей разрешению кризиса идентичности, в том числе и в новом пространстве поликультурной среды университета и среды проживания.

Полученные данные подтверждают исследования [24] относительно того, что в этом возрасте происходит активный процесс самоидентификации, и молодые люди чаще находятся в ситуации активного проживания кризиса идентичности и поиска его разрешения независимо от этнической принадлежности. Существуют исследования, которые выявляют специфику формирования идентичности у некоторых групп молодежи, обучающихся в университете, которая заключается в стремлении поддержания «отложенной идентичности» или сохранения статуса моратория идентичности в период обучения [25].

У российских и европейских студентов второй фактор по значимости и выраженности дисперсии указывает на определенные различия. Так, для российских студентов наполнение данного фактора свидетельствует о связи позитивного отношения к собственному народу и к другим народам с принятой идентичностью и мораторием, что позволяет рассматривать это отношение как принятую культурную ценность и основание для поиска собственных убеждений. В группе европейских студентов второй фактор в структуре социальной идентичности представляет связь достигнутой идеологической идентичности и неактуальности этнической принадлежности, свидетельствующей о том, что при сформированности определенной совокупности личностно значимых целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих чувство направленности и осмысленности жизни, этническая идентификация становится не значимой и не актуальной для смыслообразующих целей и стремлений европейской молодежи.

У индийских студентов выделился фактор, который указывает на неактуальность этнической идентичности, которая сопровождается положительным отношением к своему народу и другим. Фактор неактуальности этнической идентичности встречается и в структуре социальной идентичности китайской группы студентов. Некоторыми исследователями отмечается, что незначимость этнической принадлежности в условиях глобализации представляется естественным для большинства сфер взаимодействия [26; 27]. В то же время у африканских студентов отмечена противоположная тенденция в отношении значимости этнической идентификации в структуре социальной идентичности – достигнутая личностная идентичность связана у них со значимостью этнической идентичности. Отмечается, что значимость идентификации себя как представителя собственной этнической группы сопровождается у них позитивным отношением к собственному народу и к другим народам – ростом позитивной этнической идентичности. Проявление позитивной этнической идентичности «формирует определенное социальное самочувствие человека и позволяет ему ощущать себя комфортно в окружающей его социальной реальности» [28] и служит основанием для стратегии межкультурного взаимодействия.

В структуре социальной идентичности российских студентов выделяется фактор, указывающий на связь нео-

пределенности этнической и идеологической идентичности. Фактор достигнутой идентичности свидетельствует, что значимым в социальной идентичности российских студентов является результат кризиса и самоисследований, представленный в сформированной совокупности личностно значимых целей, ценностей и убеждений, определяющих направленность и осмысленность жизни. Этот процесс сопровождается положительными чувствами оптимизма, стабильности, доверия, что подтверждается данными регрессионного анализа.

Второй основной исследовательской задачей являлось определение факторов социальной идентичности как возможных предикторов субъективного качества жизни, которое в данном исследовании рассматривается в виде идеальных представлений о счастье (ценностях, реализации которых приносит переживания счастья), результирующего контекста – доминирующего аффекта и удовлетворенности жизнью. Регрессионный анализ показал, что параметры субъективного качества жизни (ценности счастья, позитивный и негативный аффект, удовлетворенность жизнью) у представителей всех культуральных групп детерминированы определенными факторами социальной идентичности.

В группе российских студентов неопределенность собственной идеологической и этнической идентичности выступает предиктором значимости ценностей самоутверждения, собственного физического, психического и материального благополучия и снижения значимости религиозных ценностей. Вероятно, такая неопределенность обуславливает необходимость самоидентификации, что находит свое отражение в значимости эгоцентрированных ценностей, связанных как с собственным благополучием, так и с самоутверждением, саморазвитием. Активный поиск собственной системы ценностей, принятия собственных решений и социальной ответственности может снижать значимость ценностей, связанных с заботой и помощью людям и обществу у европейских студентов. В то же время у африканских студентов поиск собственной идентичности выступает предиктором повышения значимости для переживания счастья реализации ценностей как личного благополучия, самоутверждения и саморазвития, так и группоцентрических – ценностей эмоционально положительных социальных связей. Для европейских студентов определенность личностной идентичности и неактуальность этноидентичности позволяет переживать счастье от реализации как эгоцентрированных ценностей – самоутверждения и саморазвития, собственного физического, психического и материального благополучия, так и целей, направленных на помощь людям и обществу.

Принятая идеологическая деструктивная этноидентичность у европейских студентов может выступать предиктором снижения значимости группоцентрированных ценностей – заботы о людях и обществе, позитивных, эмоционально теплых социальных отношений. В группе индийских студентов конфликтная этноидентичность, когда

процессы гиперидентичности, связанные с традиционными этническими ценностями, сопровождаются возникновением новой тенденции – отходом от своей этнической группы и поиском устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию, могут определять снижение значимости просоциальных ценностей, переживания счастья от служения людям, обществу.

В группе китайских студентов деструктивная идентичность, когда начинают доминировать тенденции гипер- или гипоиентичности и формируется негативное отношение к другим народам или к своему, снижает значимость ценностей, как эгоцентрированных, так и группоцентрированных, тем самым обедняя смысловую наполненность жизни человека, что приводит, согласно литературным данным, к депрессии и другим нервно-психическим расстройствам, социальной дезадаптации [29; 30]. Регрессионный анализ показал, что деструктивная идентичность влияет на снижение позитивного аффекта и удовлетворенность жизни у китайских студентов. В то же время фактор неактуальности этноидентичности в китайской группе, которая, вероятно, может возникать в условиях поликультурной среды университета, оказывает положительное влияние как на значимость эгоцентрированных ценностей – собственного благополучия, самоутверждения и саморазвития, так и группоцентрированных – ценностей близких и эмоционально теплых межличностных отношений, помощи людям и обществу, а также религиозных ценностей, тем самым расширяя жизненное пространство и наполняя его различными значимыми смыслами, требующими своей реализации в образе жизни студентов, и позволяя переживать различные положительные эмоции.

Данные регрессионного анализа в отношении предикторов эмоциональных состояний и удовлетворенности жизнью указывают на наличие четырех значимых факторов социальной идентичности у студентов культуральных групп. Так, достигнутая идентичность, т. е. сформировавшаяся система убеждений и ценностей, оказывает положительное влияние на доминирование позитивных эмоций у европейских и российских студентов, а также выступает предиктором удовлетворенности жизнью у российских студентов. Фактор поиска идентичности оказывает положительное влияние на удовлетворенность жизнью у индийских студентов, однако, для европейских студентов поиск и исследование возможностей личностных выборов в различных жизненных сферах на пути конструирования личностной идентичности сопряжен с усилением негативных эмоциональных состояний. Деструктивная этноидентичность определилась как негативный предиктор, влияющий на качество эмоциональных состояний, понижая положительный и повышая отрицательный аффект у европейских и китайских студентов, а также удовлетворенность жизнью у китайских студентов. Конфликтная идентичность, когда у индийских студентов наряду с явлениями гиперэтноидентичности появляется тенденция гипоиентичности, т. е.

возможность оценивать не только по этническому принципу, а по широкому спектру других социально-психологических критериев, определяется в качестве возможного предиктора их удовлетворенности жизнью.

Еще одним значимым предиктором субъективного качества жизни оказался фактор позитивной этноидентичности и характера значимости этнической принадлежности. В группе индийских студентов сочетание позитивной этноидентичности и размывание, неактуальность этноидентификации явились значимыми предикторами удовлетворенности жизнью, в то время как у африканских студентов фактором, определяющим положительные эмоции, стало сочетание позитивной этноидентичности и значимости собственной этнической группы. Вероятно, в условиях поликультурного образования тесная связь со своим народом, усиление коллективизма в своей этнической группе способствует ощущению психологической безопасности и субъективному благополучию представителей одной культуры, а для представителей другой таким фактором личностной безопасности становится возможность найти в новых социокультурных и образовательных условиях устойчивые социально-психологические ниши самоидентификации и самореализации не по этническому критерию [5].

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о существовании общих и специфично культуральных особенностей в факторной структуре социальной идентичности в культуральных группах студентов. К общим особенностям можно отнести наличие фактора деструктивной этноидентичности, проявляющегося в гипер- и гипоиентичности. При этом у европейских и африканских студентов деструктивная идентичность прямо связана с принятой идеологической идентичностью, у индийских студентов тенденции гипер- и гипоиентичности представлены вместе и не противопоставлены позитивной идентичности, как в группе китайских студентов. Общим для российских, индийских и африканских студентов стал фактор позитивной этноидентичности, содержание которого имело некоторую специфику в данных группах: у российских студентов позитивная этноидентичность связана как с принятой системой идеологических ценностей, так и с собственным активным поиском самоидентичности; у индийских студентов рост позитивной этноидентичности сопровождается снижением значимости, нивелированием этнического критерия в самоидентификации; у африканских студентов отмечается противоположная тенденция – позитивное отношение к собственному народу и к другим народам сопряжено с усилением значимости этнической идентичности. Общий фактор достигнутой идентичности в структуре социальной идентичности у европейских и африканских студентов имеет специфическое наполнение – у европейских студентов сформированность личностной идентичности связана с неактуальностью этноидентичности и поиском других социально-психологических

ниш для самоидентификации, у африканских студентов противоположная тенденция – достигнутая личностная идентичность усиливается значимостью определенности этнической принадлежности. Фактор активного поиска личностной идентичности характерен для всех зарубежных групп студентов, что, вероятно, связано как с возрастными особенностями, так и с изменившейся в условиях международной образовательной миграции социальной ситуацией развития; в российской выборке отмечаются два фактора идеологической идентичности: фактор достигнутой идентичности и неопределенность идентичности.

Выявлены факторы социальной идентичности, которые могут выступать в качестве значимых предикторов субъективного качества жизни. В мотивационном компоненте субъективного качества жизни у российских студентов неопределенность идентичности фиксирует значимость эгоцентрированных ценностей. У европейских студентов активный поиск собственной идентичности ограничивает значимость просоциальных ценностей, а сформированность личностной идентичности позволяет переживать счастье как от реализации эгоцентрированных, так и просоциальных ценностей. В отличие от них у африканских студентов поиск собственной идентичности является предиктором значимости для переживания счастья реализации эгоцентрированных и группоцентрированных ценностей. Деструктивная идентичность у европейских, китайских и индийских студентов снижает значимость эгоцентрированных, группоцентрированных и просоциальных ценностей, тем самым сужая смысловое поле позитивных переживаний. У китайских студентов неактуальность этноидентичности позволяет получать удовольствие от реализации эгоцентрированных, группоцентрированных

и религиозных ценностей, тем самым расширяя жизненное пространство значимыми смыслами и позволяя переживать различные положительные эмоции.

Детерминантами, положительно влияющими на эмоциональный и когнитивный компоненты субъективного качества жизни, выступают достигнутая идентичность у европейских и российских студентов, активный поиск самоидентичности у индийских студентов, позитивная идентичность и характер значимости этнической принадлежности у африканских и индийских студентов, этноидентичность, включающая в себя как явления гипер-, так и гипоиентичности у индийских студентов. Значимым предиктором, отрицательно влияющим на субъективное качество жизни, является деструктивная этноидентичность у европейских и китайских представителей студенчества. Выявленные особенности структуры социальной идентичности и ее вклада в субъективное качество жизни свидетельствуют о культуральных различиях, указывают на мишени и задачи психолого-образовательного сопровождения процессов образования и интеграции студентов в поликультурное образовательное пространство университета.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Становление идентичности как психологического фактора субъективной оценки качества жизни у молодежи в поликультурной среде университетов (кросскультурные исследования)» (грант № 19-413-700007).

Литература

1. Галажинский Е. В., Бохан Т. Г., Ульянич А. Л., Терехина О. В., Шабаловская М. В. Связь субъективного качества жизни с представлениями о счастье (ценностной обусловленностью счастья, интенсивностью мотивации счастья и ответственностью за собственное счастье) у студенческой молодежи // *Science for Education Today*. 2019. Т. 9. № 6. С. 19–38. DOI: 10.15293/2658-6762.1906.02
2. Рубанова Е. Ю. Субъективное качество жизни: подходы к изучению // *Ученые заметки ТОГУ*. 2018. Т. 9. № 1. С. 506–511.
3. Шамионов Р. М. Характеристики субъективного благополучия личности в условиях миграции // *Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: мат-лы 2-й Междунар. науч.-практ. конф.* (Пенза, 27–28 февраля 2014 г.) М.: Перо, 2014. С. 193–199.
4. Шамионов Р. М. Теоретические подходы к этнопсихологическим и кросс-культурным исследованиям субъективного благополучия личности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 7–19.
5. Шамионов Р. М., Султанязова Н. Ж. Ценности и отношение к этнической культуре и традициям как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15. № 1. С. 157–186. DOI: 10.21702/rpj.2018.1.8
6. Шамионов Р. М. Этнопсихологические детерминанты субъективного благополучия личности // *Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: мат-лы 5-й Междунар. науч. конф.* (Смоленск, 27–28 мая 2016 г.) Смоленск: СмолГУ, 2016. Т. 1. С. 268–272.
7. Taormina R. J., Shamionov R. M. A new measure of traditional values across cultures: China and Russia compared // *Psychological Thought*. 2016. Vol. 9. № 2. P. 197–221. DOI: 10.5964/psyc.v9i2.202

8. Schotte K., Stanat P., Edele A. Is integration always most adaptive? The role of cultural identity in academic achievement and in psychological adaptation of immigrant students in Germany // *Journal of Youth and Adolescence*. 2018. Vol. 47. № 1. P. 16–37. DOI: 10.1007/s10964-017-0737-x
9. Umaña-Taylor A. J., Kornienko O., Bayless S. D., Updegraff K. A. A universal intervention program increases ethnic-racial identity exploration and resolution to predict adolescent psychosocial functioning one year later // *Journal of Youth and Adolescence*. 2018. Vol. 47. № 1. P. 1–15. DOI: 10.1007/s10964-017-0766-5
10. Umaña-Taylor A. J., Douglass S., Updegraff K. A., Marsiglia F. F. A small-scale randomized efficacy trial of the identity project: promoting adolescents' ethnic-racial identity exploration and resolution // *Child Development*. 2018. Vol. 89. № 3. P. 862–870. DOI: 10.1111/cdev.12755
11. Piña-Watson B., Martinez A. J., Cruz L. N., Llamas J. D., López B. G. Ethnic identity affirmation as a strength for Mexican descent academic outcomes: Psychological functioning and academic attitudes as mediators // *Psychology in the Schools*. 2018. Vol. 55. № 10. P. 1155–1170. DOI: 10.1002/pits.22188
12. Oliveira D. R., Pankalla A., Cabecinhas R. Ethnic Identity as predictor for the well-being: An exploratory transcultural study in Brazil and Europe // *Summa psicol. UST (En línea)*. 2012. Vol. 9. № 2. P. 33–42.
13. Sharma S., Sharma M. Self, social identity and psychological well-being // *Psychological Studies*. 2010. Vol. 55. № 2. P. 118–136. DOI: 10.1007/s12646-010-0011-8
14. Новгородова Е. Ф., Бакина А. В., Махова И. Ю., Шмакова В. А., Яремчук С. В. Социально-психологические факторы удовлетворенности жизнью молодежи: региональный аспект проблемы // *Вопросы психологии*. 2017. № 4. С. 102–117.
15. Федотова В. А., Жданова С. Ю. Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11. № 2. С. 93–106. DOI: 10.17759/sps.2020110206
16. Солдатова Г. У., Рыжова С. В. Типы этнической идентичности // Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. С. 140–146.
17. Гаврилова Т. А., Глушак Е. В. К вопросу об адаптации методики объективного измерения статуса Эго-идентичности Дж. Р. Адамса // *Психологическая диагностика*. 2009. № 5. С. 53–65.
18. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
19. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06
20. Ford B. Q., Dmitrieva J. O., Heller D., Chentsova-Dutton Y., Grossmann I., Tamir M., Uchida Yu., Koopmann-Holm B., Floerke V. A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I. B. Culture shapes whether the pursuit of happiness predicts higher or lower well-being // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2015. Vol. 144. № 6. P. 1053–1062. DOI: 10.1037/xge0000108
21. Шоркина Н. А. Социальная и личностная идентичность мигрантов // *Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования*. 2012. № 2. С. 91–95.
22. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // *Психологический журнал*. 2002. Т. 23. № 4. С. 66–81
23. Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Бородич Ю. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л. Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 4. С. 962–973. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973
24. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
25. Sica L. S., Luycx K., Goossens L., Ragozini G., Sestito L. A. Identity statuses and event-Focused narratives at university starting point in Italy // *Journal of Adult Development*. 2017. Vol. 24. № 2. P. 89–108. DOI: 10.1007/s10804-016-9249-2
26. Истомина О. Б. Психология межэтнического взаимодействия: диспозиции и особенности в современном обществе // *European Social Science Journal*. 2016. № 11. С. 325–329.
27. Гришина А. В., Лунин С. Л. Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины // *Российский психологический журнал*. 2015. Т. 12. № 2. С. 46–55.
28. Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Бородич Ю. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л. Культуральная обусловленность структуры социальной идентичности у студентов, обучающихся в поликультурной среде университета // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. Т. 8. № 1. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN120.pdf> (дата обращения: 14.02.2021).
29. Витко Ю. С., Лебедева А. А. Духовность как индикатор качества жизни, связанного с психическим здоровьем // *Неврологический вестник*. 2019. Т. 51. № 4. С. 88–91.
30. Сергиенко Е. А. Психологическое здоровье: субъективные факторы // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2017. № 4. С. 98–117.

original article

Identity as a Predictor of Subjective Assessment of Quality of Campus Life: Cross-Cultural Aspect

Tatiana G. Bokhan

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0002-9628-1470>

Marina V. Shabalovskaya

Tomsk State University, Russia, Tomsk
Siberian State Medical University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0003-2622-3491>

Olga V. Terekhina

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>

Anna L. Ulyanich

Tomsk State University, Russia, Tomsk
FiALe@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>

Julia V. Borodich

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0002-4256-7641>

Ursula V. Tanabasova

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0001-8556-9631>

Received 5 Mar 2021. Accepted 25 Mar 2021.

Abstract: The research featured predictors of subjective quality of students' life in the context of international student migration. The paper focuses on the ideological and ethnic components of social identity as a key predictor of the subjective quality of life in students of different ethnicities. The subjective quality of life was studied from the point of view of its motivational, emotional, and cognitive components. The research involved foreign students of Tomsk universities that came from various African or European countries, China, India, and Russia. The social identity was defined based on two questionnaires, namely The Types of Ethnic Identity by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova and The Scale of Ideological Ego Identity by J. R. Adams; components of the subjective quality of life – according to The Scale of Positive and Negative Affect by D. Watson et al., The Scale of Life Satisfaction by E. Diener et al., and The Values of Happiness by B. Ford et al. The authors managed to define the factor structure of social identity, which appeared to have both ethnically-specific and universal features. All cultural groups demonstrated certain factors of social identity that can act as key predictors of ideas about happiness, as well as about emotional (dominant affect) and cognitive (assessment of life satisfaction) components of the subjective quality of life. The results can help to set goals for psychological and educational support of foreign students.

Keywords: educational migration, multicultural educational environment, students of cultural groups, subjective quality of life, social identity, ethnic identity, ideological identity, predictors, psychological and educational support

Citation: Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L., Borodich J. V., Tanabasova U. V. Identity as a Predictor of Subjective Assessment of Quality of Campus Life: Cross-Cultural Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 143–155. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155>

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the research project "The Formation of Identity as a Psychological Factor of the Subjective Assessment of the Quality of Life among Young People in the Multicultural Environment of Universities (Cross-Cultural Studies)" (grant No. 19-413-700007).

References

1. Galazhinskiy E. V., Bokhan T. G., Ulyanich A. L., Terekhina O. V., Shabalovskaya M. V. The connection between the subjective well-being and ideas of happiness (the direction of values, intensity of the motivation and ideas about responsibility) among university students. *Science for Education Today*, 2019, 9(6): 19–38. (In Russ.) DOI: 10.15293/2658-6762.1906.02
2. Rubanova E. Y. Subjective quality of life: approaches to studying. *Scientists notes PNU*, 2018, 9(1): 506–511. (In Russ.)
3. Shamionov R. M. Characteristics of the subjective well-being of an individual in conditions of migration. *Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world: Proc. 2nd Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 27–28 Feb 2014. Moscow: Pero, 2014, 193–199. (In Russ.)*

4. Shamionov R. M. Theoretical approaches to ethno-psychological and cross-cultural studies of subjective well-being of the personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2016, (1): 7–19. (In Russ.)
5. Shamionov R. M., Sultaniyazova N. Zh. Values and attitudes to ethnic culture and traditions as predictors of subjective well-being among Russians and Kazakhs. *Russian Psychological Journal*, 2018, 15(1): 157–186. (In Russ.) DOI: 10.21702/rpj.2018.1.8
6. Shamionov R. M. Ethno-psychological determinants of personal subjective well-being. *Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology: Proc. 5th Intern. Sci. Conf., Smolensk, 27–28 May 2016*. Smolensk: SmolGU, 2016, vol. 1, 268–272. (In Russ.)
7. Taormina R. J., Shamionov R. M. A new measure of traditional values across cultures: China and Russia compared. *Psychological Thought*, 2016, 9(2): 197–221. DOI: 10.5964/psyc.v9i2.202
8. Schotte K., Stanat P., Edele A. Is integration always most adaptive? The role of cultural identity in academic achievement and in psychological adaptation of immigrant students in Germany. *Journal of Youth and Adolescence*, 2018, 47(1): 16–37. DOI: 10.1007/s10964-017-0737-x
9. Umaña-Taylor A. J., Kornienko O., Bayless S. D., Updegraff K. A. A universal intervention program increases ethnic-racial identity exploration and resolution to predict adolescent psychosocial functioning one year later. *Journal of Youth and Adolescence*, 2018, 47(1): 1–15. DOI: 10.1007/s10964-017-0766-5
10. Umaña-Taylor A. J., Douglass S., Updegraff K. A., Marsiglia F. F. A small-scale randomized efficacy trial of the identity project: promoting adolescents' ethnic-racial identity exploration and resolution. *Child Development*, 2018, 89(3): 862–870. DOI: 10.1111/cdev.12755
11. Piña-Watson B., Martinez A. J., Cruz L. N., Llamas J. D., López B. G. Ethnic identity affirmation as a strength for Mexican descent academic outcomes: Psychological functioning and academic attitudes as mediators. *Psychology in the Schools*, 2018, 55(10): 1155–1170. DOI: 10.1002/pits.22188
12. Oliveira D. R., Pankalla A., Cabecinhas R. Ethnic Identity as predictor for the well-being: An exploratory transcultural study in Brazil and Europe. *Summa psicol. UST (En línea)*, 2012, 9(2): 33–42.
13. Sharma S., Sharma M. Self, social identity and psychological well-being. *Psychological Studies*, 2010, 55(2): 118–136. DOI: 10.1007/s12646-010-0011-8
14. Novgorodova E. F., Bakina A. V., Mahova I. Yu., Shmakova V. A., Yaremchuk S. V. Socio-psychological factors of satisfaction by life in youngsters: regional aspect of a problem. *Voprosy psikhologii*, 2017, (4): 102–117. (In Russ.)
15. Fedotova V. A., Zhdanova S. Yu. Adaptation of students from India and Arab countries to the educational context institutions of higher education in Russia. *Social Psychology and Society*, 2020, 11(2): 93–106. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2020110206
16. Soldatova G. U., Shaigerova L. A., Prokofieva T. Yu., Kravtsova O. A. *Psychodiagnostics of personality tolerance*. Moscow: Smysl, 2008, 140–146. (In Russ.)
17. Gavrilova T. A., Glushak E. V. Adaptation of the method of objective measurement of the status of ego-identity by J. R. Adams. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2009, (5): 53–65. (In Russ.)
18. Osin E. N. Measuring positive and negative affect: development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2012, 9(4): 91–110. (In Russ.)
19. Osin E. N., Leontiev D. A. Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (1): 117–142. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06
20. Ford B. Q., Dmitrieva J. O., Heller D., Chentsova-Dutton Y., Grossmann I., Tamir M., Uchida Yu., Koopmann-Holm B., Floerke V. A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I. B. Culture shapes whether the pursuit of happiness predicts higher or lower well-being. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2015, 144(6): 1053–1062. DOI: 10.1037/xge0000108
21. Shorkina N. A. Social and personal identity of migrants. *Sovremennaya sotsialnaya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniia*, 2012, (2): 91–95. (In Russ.)
22. Soldatova G. U., Shaygerova L. A. Psychological adaptation of forced migrants. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2002, 23(4): 66–81. (In Russ.)
23. Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Borodich J. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L. Personal and ethnic identity in students: a cross-cultural comparison. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 962–973. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973
24. Erikson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Progress, 1996, 344. (In Russ.)
25. Sica L. S., Luyckx K., Goossens L., Ragozini G., Sestito L. A. Identity statuses and event-Focused narratives at university starting point in Italy. *Journal of Adult Development*, 2017, 24(2): 89–108. DOI: 10.1007/s10804-016-9249-2
26. Istomina O. B. Psychology of interethnic interaction: dispositions and features in modern society. *European Social Science Journal*, 2016, (11): 325–329. (In Russ.)

27. Grishina A. V., Lunin S. L. Ethnic identity types of Russian youth as an indicator of a positive readiness to accept the forced migrants from Ukraine. *Russian Psychological Journal*, 2015, 12(2): 46–55. (In Russ.)
28. Bohhan T. G., Shabalovskaya M. V., Borodich J. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L. Cultural conditionality of the social identity structure among students studying in the multicultural university environment. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, 8(1). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN120.pdf> (accessed 14 February 2021). (In Russ.)
29. Vitko Yu. S., Lebedeva A. A. Spirituality as an indicator of mental health-related quality of life. *Nevrologicheskii vestnik*, 2019, 51(4): 88–91. (In Russ.)
30. Sergienko E. A. Psychological health: subjective factors. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, 2017, (4): 98–117. (In Russ.)